

шений онъ захочетъ обратно тотъ строй, которому чужды были всё эти лишения.

Самъ Ленинъ говорилъ, что въ Россіи возможна либо совѣтская власть, либо монархизмъ! — доказывалъ А. М. Масленниковъ, который на съѣздѣ выступилъ въ качествѣ идеолога царской власти. По его мнѣнію, будущій царскій престолъ въ Россіи по праву принадлежитъ династии Романовыхъ, ибо Романовы довели Россію до ея доведеннаго величія.

На съѣздѣ не разъ возвращались къ вопросу о необходимости объединить противобольшевистскія эмигрантскія массы, которые должны подать руку помощи русскому народу и помочь ему свергнуть совѣтское правительство. Но увя, здѣсь возобладавало мнѣніе, что распря, сведеніе политическихъ счетовъ такъ разѣли русскую эмигрантскую массу, что о прочной спайкѣ ея, въ цѣляхъ созданія общаго противобольшевистскаго фронта не можетъ быть и рѣчи.

Проф. Т. В. Локоть изъ Вѣлграда проектировалъ созданіе „національно-демократическаго центра“, который долженъ объединить космополитическую по своей природѣ буржуазію съ носительницей интернаціональнаго принципа социалдемократіи. — Распри среди эмигрантовъ вредятъ въ первую же голову намъ самимъ, — поучалъ онъ, — ибо наши нелады ослабляютъ притокъ столь необходимыхъ для эмигрантскихъ нуждъ денежныхъ средствъ.

Эта аргументація все же не убѣдила съѣздъ, который въ результатѣ долгихъ дебатовъ склонился къ мысли о необходимости упрочить среди русскихъ

совѣтской власти будущей зимы не пережить. Надо, значить, подготовиться!...

Не-монархистъ

Основоположникъ русской революціи.

(Къ трехлѣтію смерти Плеханова).

30 мая исполнилось три года со дня смерти Плеханова. Онъ умеръ въ финляндской санаторіи отъ чахотки, которая началась въ ранней молодости и съ которою настойчиво всю жизнь боролась жена покойнаго революціонера, его—врачъ, другъ и сотрудникъ, Р. М. Плеханова.

Когда Плехановъ послѣ февральской революціи возвратился въ Россію, дни его были сочтены. Какъ человекъ, смѣло и проникательно смотрѣвшій на все открытыми глазами, онъ, по видимому, понималъ свое состояніе. На финляндскомъ вокзалѣ въ Петроградѣ встрѣченный привѣтствіями многотысячной толпы, громомъ военной музыки и радостнымъ мановеніемъ красныхъ знаменъ, старый борецъ отвѣтилъ на рѣчь Чхеидзе словами, въ которыхъ неожиданно прозвучали грусть и покорность непреодолимой судьбѣ. — Не знаю, удастся ли мнѣ работать и бороться, но, во всякомъ случаѣ, теперь я готовъ умереть, — таковъ былъ смыслъ перваго выступленія Плеханова въ Россіи.

Воротясь и работать Плеханову, въ сущности, не удалось. Тревожная, бурная, полная грозныхъ переменъ и непрерывныхъ волнений революціонная жизнь оказалась непосильной для больного организма. Процессъ обострил-

зательнымъ для хлѣборобовъ Могилевскаго уѣзда.

Провести въ жизнь это постановленіе поручено уѣздному Могилевскому отдѣлу и уѣздному посѣвному комитету.“ „Правда“.

ся и уложилъ Плеханова въ постель.

Все, что сдѣлано Плехановымъ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, это, по его исключительной работоспособности и энергіи, является только порывами къ борбѣ и работѣ. Тяжелая, предсмертная болѣзнь физически поставила Плеханова внѣ жизни, съ которою онъ, вслѣдствіе состоянія своего здоровья, могъ имѣть только внѣшнее и эпизодическое общеніе.

Эта поправка должна быть внесена въ распространенное предствленіе о трагическомъ одиночествѣ Плеханова, объ его оторванности отъ дѣла всей жизни въ моментъ осуществленія его завѣтныхъ надеждъ.

Тлѣнное, временное въ Плехановѣ, повинувъ неумолимому закону природы, осталось внѣ поля послѣднихъ революціонныхъ битвъ, но нетлѣнное, вѣчное, духъ его ученія виталъ надъ русской революціей и сливался съ нею въ самомъ тѣсномъ общеніи.

Тактическія разногласія между Плехановымъ и между блокомъ меньшевиковъ и социалистовъ-революціонеровъ, получившимъ общее названіе „революціонной демократіи“, несомнѣнно, были значительны. Еще болѣе значительны несогласія Плеханова съ

Ригу, но отсюда, вслѣдствіе недостаточной пока организованности нашего мѣстнаго аппарата, не удается отправлять въ Россію болѣе 700 вагоновъ въ мѣсяцъ („Петроградская Правда“ 11—VI. №124.)

русскими коммунистами. Попытки той или другой стороны привлечь Плеханова къ себѣ послѣ его смерти и гаданія о томъ, кѣмъ быть бы Плехановъ въ настоящее время, бесплодны и недостойны великаго имени. Плехановъ и теперь, какъ всегда, быть бы Плехановымъ, то есть самимъ собою. И о человекѣ, который былъ Плехановымъ, неумѣстно спорить, чѣмъ онъ былъ бы. Достаточно того, чтобы знать, изучать и понимать, чѣмъ онъ былъ.

Плехановъ былъ вождемъ, именемъ котораго подобно именамъ Радищева, Герцена и Чернышевскаго, опредѣляется цѣлая эпоха русскаго революціоннаго развитія.

Исторія отметааетъ все временное, случайное, конкретное, частное и личное. Она выдѣляетъ изъ безформеннаго хаоса фактовъ вѣчное, общее, идейное. Она устанавливаетъ связи, невидимыя или едва замѣтныя современникамъ.

Какими бы важными ни казались теперь особенности взглядовъ Плеханова на мировую войну, на коалиціонное правительство, на захватъ власти социалистами, какою бы глубокою ни казалась межа, проведенная этими особенностями между Плехановымъ и другими русскими революціонерами, — не этими моментами, въ исторической перспективѣ, опредѣляется роль и зна-

Съ французской стороны предлагается возвратиться къ идеѣ конференціи въ Лондонѣ и къ посылкѣ международной комиссіи для рѣшенія вопроса о Смирнѣ и Фракіи. Надѣются, что, какъ

ченіе Плеханова въ русской революціи и его дѣйствительная, внутренняя, а не внѣшняя связь съ нею. Исторія установитъ другіе моменты и, можетъ быть, придетъ къ выводамъ, которые для современниковъ, живущихъ впечатлѣніями текущаго дня, окажутся неожиданными и парадоксальными.

Послѣ того, какъ завершилось уже нѣсколько цикловъ революціоннаго развитія, послѣ того, какъ первыя междоусобныя битвы отошли въ вѣчность, все болѣе и болѣе блѣднѣетъ ходячее представленіе о Плехановѣ, какъ о королѣ Лирѣ русской революціи. Среди обломковъ стараго міра среди ярко зеленыхъ побѣговъ новой жизни возстанавливается образъ основоположника освободительной борьбы пролетаріата. Огненными чертами горятъ слова Плеханова на парижскомъ конгрессѣ интернаціонала въ 1889 году, сказанныя при первомъ выступленіи Плеханова въ Европѣ и явившіяся яснымъ и точнымъ предсказаніемъ всего хода русской революціи. Русское революціонное движеніе побѣдитъ, какъ рабочее движеніе, или совсѣмъ не побѣдитъ,—эта мысль впервые была формулирована Плехановымъ. Онъ противопоставилъ идею гегемоніи пролетаріата въ русской революціи различнымъ либеральнымъ и радикальнымъ схемамъ революціоннаго развитія. Онъ первый угадалъ и указалъ великій жре-

общественное мнѣніе встрѣтилъ проектъ Керзона о союзѣ съ энтузіазмомъ, если только Америка приметъ участіе въ великой Антантѣ, созданной для защиты мира.

бій русскаго рабочаго класса. Вся революціонная борьба послѣднихъ тридцати лѣтъ и ея окончательное торжество надъ силами старой Россіи совершились такъ, какъ предвидѣлъ Плехановъ. Его идеи и революціонная дѣйствительность неразрывны. Безъ изученія Плеханова нельзя понять идейнаго содержанія русской революціи; безъ изученія конкретнаго развитія революціи нельзя понять всей глубины и силы теоретической работы Плеханова. Русская революція и Плехановъ слиты въ недѣлимое и единое цѣлое.

Подъ вліяніемъ споровъ о содержаніи русской революціи, часто забывающихъ о живомъ процессѣ для теоретическихъ попытокъ установить: буржуазно-капиталистическій, крестьянскій или социалистическій характеръ носить переживаемый великій переворотъ, сложился довольно прочный предрасудокъ, что марксисты и діалектики Плехановъ допускаютъ искусственное усѣченіе поднимающейся линіи революціи и считалъ желательнымъ самоограниченіе революціонной стихіи, какъ старый педагогъ отмѣчая въ книгѣ исторіи „отъ сихъ и до сихъ.“

Это мнѣніе противорѣчитъ не только философскому мировоззрѣнію Плеханова, но и его конкретнымъ политическимъ указаніямъ. Плехановъ былъ убѣжден-

духъ, продолжающаго въ дѣлѣ производство оружія — 10,000 винтовокъ было сдѣлано недавно въ счетъ Мексикки — вызвало негодование со-вѣта. Затѣмъ поднятъ былъ вопросъ о военной силѣ Венгріи, просящей о приѣмъ въ Лигу Народовъ.

нымъ революціонеромъ и стремился къ полной побѣдѣ революціи въ Россіи и Европѣ и къ торжеству социализма, какъ конечной цѣли революціоннаго рабочаго движенія. Но онъ былъ опытнымъ стратегомъ революціонной борьбы. Выполненіе стратегическаго плана, оцѣнка прочности своихъ и чужихъ позицій, выборъ моментовъ атакъ и отступленій вызвали сильныя и извѣстныя разногласія между Плехановымъ и другими вождями революціи. Но эти разногласія не касались самаго заданія. Плехановъ никогда и нигдѣ не говорилъ, на примѣръ, о необходимости остановить Великую Русскую Революцію на конституціонной монархіи или даже на монархической республикѣ безъ монарха. Если онъ не видѣлъ въ настоящихъ социально-экономическихъ условіяхъ необходимой почвы для организаціи въ современной Россіи социалистическаго производства, то переходъ власти въ руки крайнихъ партій онъ предвидѣлъ и на опредѣленной стадіи революціоннаго развитія считалъ вполне желательнымъ и нормальнымъ.

Ник. Іорданскій.

Окончаніе слѣдуетъ.

атаманщину, вновь подымется и начнетъ упорную и жестокую партизанскую борьбу. Пресловутый сибирскій походъ, замысленный переломчиками, осуществится лишь постольку, поскольку японцы пожелаютъ вновь расширить зону своей оккупации. Если же они, паче чаянія, вздумали бы совсѣмъ увести свои войска изъ Приморья, представивъ борьбу съ большевиками новой русской власти, то послѣдняя едва-ли просуществоуетъ и мѣсяць.

Затѣмъ несомнѣннымъ результатомъ владивостокской авантюры будетъ усиленіе популярности совѣтской власти по всѣмъ областямъ Д. В., а вѣроятно также въ Сибири и Россіи. Національный подъемъ и ненависть къ интервентамъ сдѣлаютъ то, что безсильны были сдѣлать всѣ ухищренія и пропаганда коммунистовъ.

Черносотенцы, дѣйствительно, поработали для „усиленія популярности“ совѣтской власти. Но она могла бы обойтись и безъ ихъ услугъ, и едва-ли Москва пожалѣетъ, если черносотенцы рѣшительно откажутся популяризировать совѣтскій строй.

Письмо въ редакцію.

Убѣжая 13 сего іюня изъ лагеря Ahlen Falckenberger-Moog на дорогую намъ родину, Совѣтскую Россію, шлемъ Вамъ искреннюю и глубокую благодарность отъ лица всѣхъ интернированныхъ лагеря за присылку Вашей газеты, которая въ трудные дни нашего пребыванія за проволокой была лучшимъ другомъ, вносящимъ успокоеніе въ нашу среду правдивымъ и безпристрастнымъ изображеніемъ событий. (Слѣдуютъ подписи.)

Во время социалистической демонстраціи въ Тильзитѣ, организованной въ связи съ убійствомъ баварскаго депутата Гарейса, произошло серьезное столкновение съ полиціей. Много раненыхъ.

Основоположникъ русской революціи.

(Къ трехлѣтію смерти Плеханова).

Окончаніе

Наканунѣ революціи, въ декабрьской книжкѣ „Современнаго міра“ за 1916 г., появилась статья Плеханова „Двѣ линіи“.*)

Эта статья, вызвавшая большой переполохъ въ царской цензурѣ, произвела сильное впечатлѣніе въ революціонныхъ кругахъ и, несомнѣнно, оказала влияніе на тактику революціонеровъ въ февральскіе дни. Я помню, какъ одинъ изъ членовъ Исполнительнаго Комитета, участвовавшій въ образованіи и въ выработкѣ декларациі перваго временнаго правительства и уже тогда близкій къ большевизму, подошелъ ко мнѣ въ Таврическомъ Дворцѣ и сказалъ, прямо ссылаясь на эту статью: „Плехановъ долженъ быть доволенъ. Мы сдѣлали все, чтобы революція шла по восходящей линіи“.

Основная идея указанной статьи заключается въ томъ, что народная революція идетъ по двумъ линіямъ: восходящей или нисходящей. Въ первомъ случаѣ, какъ во время Великой Французской Революціи, власть послѣдовательно переходитъ отъ болѣе умѣренныхъ къ болѣе крайнимъ партіямъ; во второмъ, какъ во время революціи 1848 г., революція идетъ попятнымъ движеніемъ и власть, немедленно послѣ переворота

захваченная крайними партіями, послѣдовательно переходитъ въ руки болѣе умѣренныхъ партій.

„Мощь освободительнаго движенія увеличивается, когда оно идетъ, — какъ это было во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, — по восходящей линіи. Она слабѣетъ, когда линія движенія становится нисходящей.“

Стало бытъ, — говоритъ Плехановъ, — нельзя не желать, чтобы освободительное движеніе, въ которомъ мы принимаемъ или собираемся принять участіе, шло по восходящей линіи.“

„Какъ же можетъ, — настоячиво повторяетъ Плехановъ — русский общественный дѣятель, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, желать, чтобы русское общественное развитіе пошло по нисходящей линіи.“

Политическія формы, въ какихъ представляется Плеханову движеніе нормальной восходящей линіи, указаны имъ съ достаточною опредѣленностью.

„Предположимъ, — говоритъ онъ, — что наше развитіе пойдетъ такъ, какъ шло, — по неоспоримо вѣрному замѣчанію Маркса, — во Франціи XVIII вѣка. Это значитъ, что сначала власть попадетъ въ руки нашихъ „конституціоналистовъ“, лѣвыхъ октябристовъ, прогрессистовъ и кадетовъ. Потомъ она достанется трудовикамъ. На-

цѣнность и для устраненія имѣв-

конецъ, послѣ того, какъ движеніе приметъ самый широкій размахъ, властью овладѣютъ крайнія группы.“

И Плехановъ заканчиваетъ статью выраженіемъ надежды, что наши „передовые элементы“*) усвоятъ правильные стратегическія понятія и сдѣлаютъ все, чтобы „наше общественное развитіе, какъ и во Франціи, пошло по восходящей линіи“.

Такимъ образомъ, Плехановъ не только не боится, что революція разовьется до возможныхъ въ данныхъ историческихъ условій предѣловъ, но даже считаетъ конечною цѣлью революціонной борьбы именно переходъ власти въ руки „крайнихъ группъ“. Единственное опасеніе, которое высказываетъ Плехановъ въ этой статьѣ, это опасеніе, „что прежде временно придя къ власти, крайнія партіи окажутся изолированными“. Въ дѣйствительности статья, написанная во время революціи, это опасеніе, подкрѣпленное возраженіями противъ социалистической диктатуры надъ буржуазнымъ обществомъ, неоднократно повторялось Плехановымъ.

Но вопросъ о преждевременности тѣхъ или иныхъ политическихъ дѣйствій рѣшается исторіей, какъ послѣдней инстанціей. Теперь, когда народныя массы сломали контръ-революцію и когда социалистическая диктатура оказалась вмѣстѣ съ тѣмъ и

*) Напоминаемъ, что статья должна была пройти военную цензуру. Поэтому, терминологія ея приспособлена къ легальной журналистикѣ того времени.

вѣсомъ—25,022 пуда. „Маховикъ“ 14-VI

высшей точкою національной революціи, можно предположить, что судъ исторіи признаетъ переходы русскаго революціоннаго движенія изъ одной стадіи въ другую вполне своевременными. Быть можетъ, безпристрастный историкъ выяснитъ, что русская революція такъ же не отступила отъ схемы Плеханова 1916 года, какъ она не отступила отъ его схемы 1889 года.

Послѣ октябрьской революціи здоровье Плеханова находилось уже въ такомъ состояніи, что онъ могъ написать только нѣсколько небольшихъ статей. Въ настоящее время первое общее впечатлѣніе отъ этихъ статей — особый тонъ Плеханова по отношенію къ большевикамъ. Газеты ноября, декабря и октября 17 г. наполнялись свирѣпыми статьями противъ совѣтской власти, авторы которыхъ сплошь и рядомъ забывали не только о томъ, что они — социалисты, но и о томъ, что они демократы-революционеры, хотя большевизмъ провозглашался, конечно, „контръ-революціей“. Плехановъ нигдѣ не высказываетъ этой точки зрѣнія; его критика большевизма сдержана, спокойна и построена на основаніи революціонной цѣлесообразности того или другого акта.

Но для характеристики взаимоотношеній между Плехановымъ и русской революціей чрезвычайно важно установить, что послѣдняя наиболѣе обширная статья Плеханова посвящена выясненію и защитѣ принциповъ революціонной тактики.

1173-к

Буржуазная и эс-эровская пресса въ декабрѣ 1916 и въ январѣ 1917 г.,—очевидно, разочарованная тѣмъ, что Плехановъ не занялъ по отношенію къ большевикамъ яростно боевой позиціи — сочла необходимымъ открыть противъ него кампанію, называя его „отцомъ большевизма“ и обвиняя въ отрицаніи принциповъ демократіи. В. Мирскій въ бульварномъ „Вечернемъ Часѣ“ и В. Черновъ въ „Дѣлѣ Народа“ одинаково нападали на основоположника русской социал-демократіи.

Матеріаломъ для обвиненія послужили рѣчи Плеханова на второмъ съѣздѣ російской социал-демократической партіи въ 1903 году, гдѣ Плехановъ совершилъ два „преступленія“. Во первыхъ, онъ высказался противъ внесенія въ программу партіи требованія отміны смертной казни, такъ какъ предвидѣлъ, что, можетъ быть, революціи придется казнить Николая II и не находилъ въ этомъ никакого грѣха. Второе — и это наиболѣе возбудило негодованіе обвинителей — Плехановъ отказался признать абсолютную цѣнность „принциповъ демократіи“ и, въ частности, допустилъ возможность революціонной борьбы противъ Учредительнаго Собранія. Онъ даже заявилъ, что „революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ, подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда-то его политическія права. О пригодности такой мѣры можно судить лишь съ точки зрѣнія правила salus revolu-

tae suprema lex (успѣхъ революціи — высшій законъ).“

Можно представить, какой шумъ вызвали въ то время эти цитаты.

Плехановъ отвѣтилъ своею послѣднею большою статьею. Съ большимъ достоинствомъ онъ указалъ, что не видитъ практической необходимости, съ точки зрѣнія революціи, въ разгонѣ большевиками Учредительнаго Собранія. Но свою принципиальную точку зрѣнія онъ еще разъ подтвердилъ и подкрѣпилъ при- мѣрами.

„Должны ли мы, революціонеры, въ своей практической дѣятельности, держаться какихъ-либо безусловныхъ принциповъ? Я всегда говорилъ и писалъ, что у насъ долженъ быть только одинъ безусловный принципъ: благо народа — высшій законъ. И я не разъ пояснялъ, что въ переводѣ на революціонный языкъ, принципъ этотъ можетъ быть выраженъ еще такъ: Высшій законъ, — это успѣхъ революціи“.

Научный социализмъ судить о правилахъ политической тактики или, вообще, политики „съ точки зрѣнія обстоятельствъ времени и мѣста; онъ и на нихъ отказывается смотрѣть, какъ на безусловныя. Онъ считаетъ наилучшими тѣ изъ нихъ, которыя вѣрнѣе другихъ ведутъ къ цѣли; и онъ отбрасываетъ, какъ негодную ветошь, тактическія и политическія правила, ставшія нецѣлесообразными. Цѣлесообраз-

ность — вотъ единственный критерій его въ вопросахъ политики и тактики.

— Но, вѣдь, это — верхъ безнравственности! — кричатъ хоромъ наши противники, противники научнаго социализма. Признаюсь, я никакъ не могу понять — почему. Тутъ, какъ и вездѣ, нѣтъ ничего безусловнаго. Когда общественные дѣятели, судящіе о своихъ политическихъ и тактическихъ приѣмахъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, задаются цѣлью угнетенія народа, тогда и я, разумѣется, готовъ признать ихъ безнравственными: но когда дѣятель, усвоившій себѣ принципъ цѣлесообразности, руководится благомъ народа, какъ высшимъ закономъ, тогда я рѣшительно не вижу, что можетъ быть безнравственнаго въ его стремленіи держаться такихъ правилъ, которыя скорѣе другихъ ведутъ къ его благородной цѣли“.

И, подтверждая свое несогласіе съ разгономъ Учредительнаго Собранія, стоявшаго, по его мнѣнію, на почвѣ интересовъ трудящагося населенія Россіи, Плехановъ снова указываетъ, что, вообще, учредительныя собранія не могутъ быть объявлены неприкосновенными для народнаго революціоннаго движенія.

„Учредительныя Собранія имѣютъ разный характеръ. Еслибы парижскій пролетаріатъ, быстро оправившись отъ жестокаго пораженія, нанесеннаго ему Кавенькомъ къ великой радости французскаго Учредительнаго Собранія 1848—1849 гг., положилъ насильственный конецъ дѣятельности этого органа реакціи, то я

не знаю, кто изъ насъ рѣшился бы осудить такое дѣйствіе“.*)

Принципиальное отношеніе Плеханова къ „демократическимъ“ учрежденіямъ, слѣдовательно, ни въ матѣйшей мѣрѣ не совпадаетъ съ распространеннымъ нынѣ въ нѣкоторыхъ даже социалистическихъ кругахъ преклоненіемъ предъ абсолютнаго цѣнностью демократическаго права. И въ этомъ Плехановъ, несомнѣнно, самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ русскою революціею, прежде всего, чуждымъ какихъ-либо „жирондистскихъ“ зигзаговъ, революціоннымъ методомъ мышленія

Я кончаю тѣмъ, съ чего началъ. Плехановъ былъ Плехановымъ, и попытки привлечь его, послѣ смерти, въ ряды одной изъ борющихся группъ бесполезны и неумѣстны. Но я убѣжденъ, что въ исторической перспективѣ, которая опредѣлитъ основныя линіи русской революціи, значеніе Плеханова представитъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ оно представляется современникамъ. Хотя Плехановъ предшествовалъ революціи, но, быть можетъ, онъ явится ея синтезомъ. Во всякомъ случаѣ, вопреки обычному теперь мнѣнію, именно о Плехановѣ русская революція могла бы сказать

Мой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ моимъ.

Ник. Юрданскій.

*) Статья „Буки—азъ—ба“. „Наше Единство“, 11, 12 и 13 янв. 1918 г.